

Леонид Красников

У БЕРЕЗКИ Я ЗАПЛАКАЛ

Дневник неслучайных встреч
Куда движется Россия

12+

Леонид Красников
У березки я заплакал

«Автор»

2018

Красников Л.

У березки я заплакал / Л. Красников — «Автор», 2018

В чем смысл жизни? Как нам жить дальше? В зрелом возрасте автор, который выступает основным персонажем книги, задумался над этими вопросами. Путь ответа на них был труден и противоречив. Разобраться в сложнейшей философской и мировоззренческой задаче помогли неслучайные встречи с интересными людьми, с православными священниками, многочисленными книгами и статьями. Среди необычных исканий была выявлена общая закономерность: как в личной жизни, так и в прошлой и нынешней истории России главную роль играет Божественный промысел. Какова его роль в наши дни? Ответ и дает книга.

© Красников Л., 2018

© Автор, 2018

Книга первая
ИДУ К ТЕБЕ
КОГДА МЕЛА ПУРГА

История, о которой я собираюсь рассказать, началась более тридцати лет назад. После окончания Горьковского университета жизнь забросила меня на северный краешек Якутии – в арктический посёлок Тикси. Здесь я работал в районной газете с красивым символическим названием «Маяк Арктики».

Тикси действительно был своеобразным маяком для судов, бороздивших моря Северного Ледовитого океана. Над посёлком пролетали самолёты, державшие путь ещё дальше на восток – в Певек и Анадырь.

Немало интересных встреч мне выпало за годы работы журналистом в заполярной газете. Моряки, охотники, рыбаки, оленеводы, сотрудники гидрометеорологических станций представляли собой крепкий самобытный народ, прошедший экзамен на прочность суровыми морозами и сильнейшими пургами.

Но одна из встреч, сыгравшая в дальнейшей моей жизни решающую роль, сначала показалась обычной и похожей на многие другие, столь характерные для пересекающихся судеб северян. Как журналист я сделал тогда запись в блокноте на память. И лишь спустя годы понял, что тот разговор, состоявшийся в тиксинском аэропорту, был для меня далеко не случайным, а как бы посланным откуда-то свыше. Однако расскажу всё по порядку.

Однажды из-за пурги я застрял в аэропорту. Погода была жуткая: ветер, снег, облака – всё кружилось, перемешивалось и с огромной скоростью несло на север. Аэропорт до утра закрыли для полётов, в посёлок также уехать не было возможности – пурга стёрла из видимости дорогу, никакие машины не ходили, и только изредка сквозь плотную серую пелену можно было едва различить свет фар вездехода.

Гостиница находилась в некотором отдалении от аэропорта. Отчётливо помню, мне дали койку в двухместном номере на втором этаже. В комнате на дальней, застеленной одеялом кровати, сидел мужчина и рассматривал какой-то иллюстрированный журнал. Одет он был в тёплый серый свитер и чёрные брюки, заправленные в собачьи унты, которые обычно носили лётчики полярной авиации.

Мужчина представился: «Андрей Петрович». Он действительно оказался лётчиком, отдавшим Северу долгие годы.

Как и полагается, вскоре на нашем столе появились рыба, хлеб и бутылка водки. Я добавил к скромному застолью копченой колбасы и пирожков с мясом, которые испекла мне жена в дорогу. Разговорились о севере. Тема эта была для меня крайне важная: в моём представлении Север таил в себе некую загадку, которую я пытался разгадать. Андрею Петровичу задал вопросы: «Что же держит людей на Севере? Почему они так неохотно с ним расстаются, несмотря на столь суровые условия по сравнению с жизнью на материке?»

Прежде чем ответить, Андрей Петрович задумался. Потом медленно заговорил:

– Что тебе сказать на это, Леонид? Мне кажется, что у Севера, как у человека, есть своя душа. А ты как журналист знаешь, что в людях разобраться не так легко. Даже если прожить с кем-нибудь одну полярную зиму – кстати, это самый верный способ добраться до глубины человеческой души. Чтобы понять Север, надо иметь с ним родство душ. Это свойство, как и любовь, словами почти не выражается. Тем более нельзя купить за деньги, ради которых многие и едут сюда, те ощущения, которыми, если посчастливится, Север способен наградить человека. Я не знаю, с какими намерениями приехал на Север ты, Леонид. Если просто для того, чтобы заработать деньги, я дам тебе совет: водку не пей, душу не обнажай, на женщин не засматривайся. Останешься чистеньким, непременно купишь квартиру и машину, но Севера так и не поймёшь...

Я внимательно слушал Андрея Петровича. Было в его бледно-серых глазах что-то трогательное, располагающее.

Размышление летчика о Севере попало в самую точку. Сразу все понять я не смог, но почувствовал: это очень близко мне по духу, по ощущениям, которые я уже успел пережить за два года журналистской работы в Арктике.

Снова задумавшись, мой собеседник неожиданно предложил:

– Леонид, давай еще немного встряхнемся. Загрустил я, расстроил ты меня своим вопросом.

Мы снова выпили. Я почему-то подумал, что на душе у Андрея Петровича сейчас не сладко. Он встал, потянулся, словно сбрасывая с себя усталость, подошел к окну. От фонаря на улице его серый свитер поблескивал тоненькими искорками, но бледно-серые глаза оказались до того потухшими и грустными, что мне стало не по себе. Андрей Петрович провел ладонями по вискам, как бы снимая с них пелену оцепенения, тяжело вздохнул.

– Если бы ты только знал, Леонид, каково мне сейчас. Сегодня, скорее всего, моя последняя встреча с Арктикой... Здесь прожиты лучшие годы. И вот пришла пора расставания.

Андрей Петрович снова умолк, потом продолжил более твердо и спокойно.

– Мне все равно этой ночью не уснуть. Не составишь мне компанию, Леонид? Имею бутылку коньяка. Давай выпьем еще понемногу.

Отказать Андрею Петровичу, глаза которого звали сильнее всякой просьбы, я не мог. Сработал и чисто журналистский интерес: как личность Андрей Петрович был для меня привлекателен, и захотелось побольше узнать об этом человеке.

– Арктику я полюбил не сразу. Вначале почувствовал это неосознанно, затем стал задумываться, чем же она меня покорила. Открытие было ошеломляющим: Арктика не безмолвна, не мертва, а жива! Она может быть прекрасной, может быть злой, ее надо уважать, а вот шутить с ней нежелательно. Через Арктику я много узнал о себе. Нет ничего прекрасней, чем полет на самолете под ночным звездным небом. Ты даже не представляешь себе, Леня, какое счастье слышать песню мотора, видя вдалеке огоньки селений, лететь навстречу зарождающемуся полярному дню!..

Андрей Петрович говорил почти без остановок. Бывают такие минуты и часы у людей, когда им надо выговориться до конца. Речь Андрея Петровича действовала на меня непонятным образом: она словно приближала к собеседнику, заставляла прислушаться к его душе и не отпускала из внимания ни на минуту.

– Поразительная штука – жизнь: за какие-то час-два в словах можно уместить все, на что потрачены годы!

Андрей Петрович снова поднялся с места, подошел к окну, сказал:

– Затихает пурга... Скоро откроют полеты... Пурга... В борьбе с ней я всегда становился сильнее, она избавляла меня от душевной хандры. А однажды пурга повернула мою судьбу.

Когда я услышал последнюю фразу, то внутренне приготовился узнать об Андрее Петровиче что-то очень важное.

– Случилось это в ноябре. Вот так же мела сильная пурга. Вечером я спохватился: в доме совсем не осталось хлеба. Пришлось отправиться в магазин. Добрался с трудом – почти не было видимости. Купил хлеба и уже собирался возвращаться обратно. Смотрю, стоит у прилавка спиной ко мне женщина, разговаривает с продавцом. Кивнув в мою сторону, продавец что-то сказала ей. Женщина обернулась, оценивающе посмотрела на меня, улыбнулась одними глазами и как-то мягко, но в то же время небрежно произнесла: «Что ты, Валя, это же летатель! В воздухе он – мастер, а земля, да еще в пургу – не для него».

Такая бесцеремонность меня несколько оскорбила, но и развеселила. «Почему же я летатель?» – спросил я. «Да вырвалось по аналогии с мечтателем – вы ведь любите под небесами мечтать, не так ли?» Сама смеется. «И чем же я вам могу помочь, может быть, увезти от мужа

к Северному полюсу?» – в тон женщине задал я вопрос. «Господи, да вы хотя бы помогли мне домой добраться – слышите как метет. Меня и без вашей помощи унесет к полюсу. А мужа у меня нет: в такую погоду разве жен одних выпускают на улицу?» «Что ж, пойдете, – говорю ей. – Не бойтесь с незнакомым человеком оказаться наедине?» «Что вы, я вижу, вы добрый, значит и надежный».

Посмотрела на меня внимательно, трогательно, улыбнулась мило. Этого мгновения мне не забыть до самой смерти. Оля – так звали женщину – покорила меня сразу. Проводил я ее тогда, она поблагодарила за помощь. И снова усмехнулась: «Смотрите, возвращаться по ветру будете – не улетите, летатель! Спаси вас, Господи!»

– В те дни положение мое можно выразить просто: я потерял покой, – после небольшой паузы продолжил Андрей Петрович. – Отчетливо понял: именно такая спутница жизни мне нужна. Вскоре об Оле я знал немало: она врач, терапевт, живет в поселке два года. Приехала на Север после окончания института, замуж выйти не успела. Родом – из Ленинграда, где жила ее мама.

Стал я с Олей изредка встречаться. Чем больше узнавал ее, тем сильнее она мне нравилась, несмотря на некоторые странности. Тогда я многого не понимал в ее поведении. Тайком молилась, читала Библию, Псалтирь. Говорила, что в Боге находит утешение, получает от него поддержку в трудные минуты. Посты соблюдала – для Крайнего Севера это, на мой взгляд, было равносильно подвигу: попробуй поживи хотя бы день без мяса. Как выкручивалась, как при добровольной скудной еде обходилась? – это, действительно, только одному Богу известно. Тоненькая, как молодая березка, была. А лицо так и светилось непередаваемой теплотой, добротой и нежностью. В жизни не всем дано любить, а ее сердце было очень чуткое, живое, не каменное. Я сразу ее полюбил, и потом понял, что она – сестра моей души... Олю все считали привлекательной. Но меня она продолжала как бы сторониться, ни к какой близости не допускала. Хотя и потеплела после одного события: под Новый год знакомый летчик по моей просьбе привез из Москвы живые цветы. Уж как Оля рада была, как благодарна.

Андрей Петрович снова умолк. Полумрак не мог скрыть, как сильно погрузнело его лицо.

– Постепенно мы начали с Олей говорить о том, чтобы соединить наши жизни. Она мечтала о времени, когда у нас будет двое детей. «Ты, летатель, будешь меня с ними носить на руках», – посмеивалась Оля. Мы настолько были душевно близки, именно близки, что порой без слов улавливали чувства и намерения друг друга. Через любовь к Оле я лучше узнавал себя. А ее улыбка! Она была до удивления выразительная: могла сказать «да» или «нет», ласково поблагодарить или с легким укором возразить. Улыбка всегда стояла перед моими глазами во время нашей разлуки. Ради этой Олиной улыбки я готов был пойти на все.

Оля говорила, что ее чувства ко мне подобны отношению какой-то Ксении Петербургской к своему мужу. Была такая святая. Я не придавал тогда этим словам особого значения, позже подробней узнал о жизни Ксении. И был потрясен. Я понял, что Оля тоже меня сильно любила. И очень-очень хотела, чтобы мы закрепили свой брак венчанием в церкви. В то время это было бы дерзким поступком. Правда, мне следовало бы до венчания покреститься. Оля говорила, что в Ленинграде это можно было сделать беспрепятственно – там действовало несколько храмов. Одним словом, в мою жизнь вошло светлое, чистое, и даже больше – вечное. Я тогда находился как в прекрасном сне, от которого не хотелось просыпаться...

– Недолгим оказалось мое счастье, – словно откуда-то издалека донесся голос Андрея Петровича. – В конце марта Оля погибла. Позже я узнал, что как раз был праздник Пасхи. Самолет, на котором она летела с больным и еще несколькими пассажирами, разбился. Отличные ребята не вернулись из того трагического полета, не стало и Оли. Весь поселок провожал в последний путь погибших. Погода в тот день выдалась злая: при сильном ветре мороз до

сорока. От дороги до кладбища, что находилось на возвышении у подножия сопки, расстояние не более сотни метров. Арктика его удесятирила. Холод был невероятный.

Когда опускали гроб с Олей в ледяную каменную могилу, я вдруг, как наяву, услышал ее смешливое «летатель». Слез сдержат не мог. Все остальное помню плохо. На поминках, в столовой, выпил много: в некоторых случаях водка помогает заглушить боль. А вот на следующий день я впервые испытал чувство ужасного одиночества. Возник естественный вопрос: для кого теперь жить? Наверно, и Ксения Петербургская задалась этим вопросом, когда неожиданно умер ее муж, которого, кстати, тоже звали Андреем. Прости меня, Леонид, за слезы, не могу сдержаться. Я ведь не каменный, хотя и легчик. Почему Господь к нам так несправедлив, забирает самых лучших людей? Еще раз прости за мою слабость...

Далее из разговора с Андреем Петровичем я узнал, что после трагической гибели Оли он все же побывал в Ленинграде у ее матери, которая не смогла из-за непогоды прилететь на похороны дочери. Мать рассказала, что этой смерти Оли она ожидала, но только ничего ей об этом не говорила.

Оказывается, в раннем детстве Оля очень сильно заболела, врачи помочь ей ничем не могли. Девочка таяла на глазах, принося матери сильное горе. Оля уже никого не узнавала, не могла даже принимать лекарства. Из груди ее вырывалось страшное хрипение. Все шло к тому, чтобы матери расстаться с дочерью навсегда.

Будучи верующей, мать решила на последний шаг – отслужить молебен о выздоровлении дочери. А заодно попросить священника, если есть возможность, помолиться за Оленьку.

Молебен был отслужен. В последующие три недели батюшка, которого звали отцом Василием, три недели приходил навещать больную Олю. Из маленького пузырька он накапывал в рюмочку всего несколько капель какой-то бесцветной жидкости, затем доливал в рюмку простой воды и давал больной выпить. Грудь одновременно смазывал маслом. Позже мать узнала, что вода и масле были освящены на могиле Ксении Петербургской. Процедуру батюшка проделал семь или десять раз. Первые три дня ежедневно, а затем через несколько дней. Одновременно он читал молитвы и Евангелие. В молитвах обращался о выздоровлении Оли к Господу, Богородице и святым.

Но однажды отец Василий подошел к матери и сказал, что ему было видение. Оля выздоровеет, но проживет со дня выздоровления ровно двадцать лет. Именно столько ей было отпущено Богом в этой жизни.

Мать тогда восприняла эти слова не более, как радость: «Доченька останется живой!» Оля выздоровела, стала верующей. Мать в ней души не чаяла. Но не забывала и о дате выздоровления дочери, которая все чаще и чаще напоминала о приближающемся исходе жизни Оли. Так оно и случилось: самолет, в котором летела Оля, разбился именно в Пасху, как было предсказано о судьбе дочери.

После рассказа о встрече с матерью Оли, Андрей Петрович поведал мне, что по состоянию здоровья он уже не летает, в конце концов женился и имеет двоих пацанов. С женой живет хорошо, но об Оле забыть не может. Сейчас он возвращается из отпуска, прилетел сюда, возможно, в последний раз, положил на могилу Оли ее любимые цветы. И никто в жизни уже не называл его «летателем».

– Перед тобой, Леня, человек, который сегодня прощается с Севером, с Арктикой, прощается со своей любовью, прощается с авиацией. Все, что было радостным, светлым в моей жизни, остается позади. Возраст, здоровье – штуки жестокие. Я их ощутил внезапно, как снег. Встал как бы однажды утром и увидел, что вокруг все бело... Расставание с прошлым – самая сильная для меня душевная драма. Конечно, я переживу ее. Но как мне продолжать жить на материке, если я ощущаю там себя в положении гостя? Да, Леонид, я покрестился, как хотела Оля, стал верующим. И знаешь, мне кажется, я ее понял. В жизни Оли был стержень, которого

нам не хватает. В ее жизни был сам Бог. Глупые мы, люди, живем и не знаем, какое счастье в вере можем обрести. Оля нашла его.

Я еще никогда ни у кого не видел на лице столь резко выраженного страдания. Показалось даже, что Андрей Петрович плачет без слез.

– Такая получается петрушка, – с печальной усмешкой произнес Андрей Петрович. – Такая произошла метаморфоза с бывшим баловнем судьбы. Однако, пора двигаться в порт, – добавил Андрей Петрович, поднимаясь потягивающимся движением с кресла.

– Спасибо, брат, за терпение, с которым выслушал меня, – с этими словами я ощутил крепкое рукопожатие Андрея Петровича. – Поверь, у меня полегчало на душе. И все равно запомни: несмотря ни на что надо любить жизнь, надо поддерживать в себе утасяющий оптимизм, оставаться борцом. И постараться верить в Бога. До свидания, Леня, может, еще свидимся, если повезет.

Я хотел спросить у Андрея Петровича его адрес, но тот уже вышел за дверь номера. С его уходом я ощутил вокруг себя холодную пустоту. За несколько часов общения Андрей Петрович успел стать для меня близким человеком. И теперь мне было очень-очень грустно.

Я встал, подошел к окну. Наступающий день замел остатки недавней пурги, окрасил небо прозрачной голубизной. Из-за впадины между далеких сопкок выглянул краешек поднимающегося солнца. Застывшими замерзшими птицами сидели на взлетном поле самолеты, около которых уже двигались люди.

Переведя взгляд на дорогу, ведущую в сторону аэропорта, я увидел на ней удаляющегося мужчину с чемоданом в руках. Шел он не спеша, чуть ссутулившись, но держа голову прямо.

Вот мужчина остановился, поставил чемодан рядом и оглянулся назад в сторону поселка. Я сразу узнал в нем Андрея Петровича. Несколько минут он всматривался перед собой, словно пытаясь найти последнюю ниточку, соединяющую его с пока еще реальным прошлым. Затем Андрей Петрович медленно двинулся дальше. Еще два-три раза обернулся, пока совсем не скрылся за уклоном дороги.

ВИЗИТ К КОЛДУНЬЕ

Пять лет жизни на Крайнем Севере пролетели для меня как один день. И если бы не здоровье детей, я посвятил бы Арктике больше времени.

После романтической журналистской работы в условиях вечной мерзлоты газетная жизнь на материке несколько потускнела, стала более однообразной. Меня стали приучать к более упрощенному и строгому слогу, не докапываться до душевных пристрастий людей. Во всех материалах должна была присутствовать направленность, связанная с задачами партийных съездов и конференций. В такой работе прошли десять лет.

Встряхнула меня от затянувшейся обыденности случайная поездка к родственникам в древний Владимир. Прошел я по старинным улочкам, полюбовался на небесно чистые церквушки, побывал на службе в знаменитом Успенском соборе. И вдруг понял, что в мое сердце, в мою душу вошло что-то новое, пока непонятное, может быть, даже более ценное, чем неповторимая северная романтика. Во Владимире я как бы уловил запах родной русской истории, отличие от Дзержинска, родившегося на потребу социалистической экономики, перенасыщенного химическими заводами, проросшего однообразными коробками архитектурных сооружений.

Перебраться во владимирскую областную газету было делом времени. Здесь оценили мой прошлый опыт. Обком партии дал мне «добро» на работу в его «ручном» издании. И хотя квартирный вопрос решался крайне сложно, со временем удалось перевезти во Владимир семью.

Начавшаяся взрывная перестройка привела к тому, от чего нас отучали долгие годы. Во Владимире стали снова открываться православные храмы. Я ходил то в один, то в другой, ощущал их непонятную притягательность, но не мог отвязаться от мысли, что вера – явление

больше надуманное, чем необходимое и жизнеутверждающее. Быть может, поэтому я продолжал оставаться некрещеным.

В 1991 году через Владимир по пути в Дивеево переносили мощи святого преподобного Серафима Саровского. В Успенском соборе, где для мошей была сделана остановка, выстраивались огромные очереди. Требовалось несколько часов, чтобы пройти каких-то сто метров, поклониться и приложиться к останкам святого. Совершив это действие, я так и не понял его глубинной сути. Поклонение мощам напомнило обычный языческий обряд. Уходил я от собора с холодным и непонятным чувством, оживленным лишь сознанием того, что мне удалось стать одним из участников этого всенародного события.

Как и многие из моих соотечественников, испытывая духовный голод после долгих лет воинствующего атеизма, я бросился в пучину духовных исканий. Сначала я поверил в демонию Кашпиоровского, затем окунулся в лазаревскую «Диагностику кармы». Какое-то время посещал сеансы украинского экстрасенса, который брался лечить даже неизлечимые болезни. Написал даже для газеты о нем несколько хвалебных статей. И если раньше я пытался постичь тайну жизни через литературу, искусство, диалектическую философию и политическую экономию, то теперь, поглощая запоем массу «интересных» книг и встречаясь с «просвященными» людьми, все больше склонялся к тому, что секреты личности сокрыты в его психике и душе, которые только и способны постигать неведомое.

Однажды, по совету знакомого, вышел на одну владимирскую целительницу и даже побывал у нее дома. Несколько комнат, заставленных мебелью, шкафами и полками с книгами по искусству и художественной литературой. Но дальняя, совсем небольшая комнатка, оказалась довольно необычной. Зашторенные окна, свечи, черепа, книги по белой и черной магии, маленькие зеркала, множество других, непонятных мне предметов вызвали ощущение, будто я попал со света в склеп. Здесь все отдавало какой-то могильной затхлостью, обволакивало атмосферой страха и безысходности. «Куда меня занесло?» – не давал покоя мне вопрос, на который в процессе разговора с довольно симпатичной и уверенной в себе сорокалетней женщиной я все же получил однозначный ответ. Передо мной была самая настоящая колдунья и ворожея, которая «могла влиять даже на происходящее на экране телевизора и определять будущее в личной и общественной жизни людей». Она бредила учением «Живой Этики» (Агни – Йоги), направо и налево сыпала знаниями об устройстве мира и, прежде всего, мира духовного. «Живую Этику» хозяйка «темной» комнаты преподносила мне как некий «синтез» науки, религии и философии, «синтез» культур Востока и Запада.

Не знаю, как я тогда набрался терпения выслушивать свою собеседницу в течение нескольких часов. Сбросил с себя охватившую меня тяжесть лишь после того, как покинул этот частный дом, располагавшийся почти в самом центре города, и вышел на свежий воздух. День был солнечный, вокруг туда-сюда сновали люди, охваченные заботами. Даже не верилось, что буквально рядом с ними человек живет в ином, бесноватом мире, стремится стать богом без Бога, получить сверхъестественные, сверхчувственные способности при содействии нечистой силы и воздействовать на окружающих людей и стихии мира. В то время эта встреча стала лишь одним из немногих разочарований на пути поиска духовности.

Совершенно иное впечатление оставила встреча с другой женщиной. Кандидат наук, она долго жила в Средней Азии. Но в какой-то момент ее неудержимой силой, даже помимо воли, потянуло во Владимир. В результате ее семья все же оказалась в этом древнем православном городе. И тут стало происходить совершенно странное. Почти каждую ночь женщина слышала какой-то внутренний голос, диктовавший ее сознанию готовый текст, который оставалось только записывать. Содержание такой «космической почты» было довольно любопытное. Это мировая и русская история, судьбы отдельных народов и личностей, будущее человечества. Я познакомился с некоторыми отрывками посланий, и они показались мне интересными. Надиктовано их было к тому времени почти на две книги. Отдельные моменты оказались даже про-

роческими и нашли свое подтверждение в действительности. Я искренне завидовал женщине, был восхищен ее способностью на огромном расстоянии «общаться» с Космическим Разумом.

Но наибольшее впечатление на меня в то время произвела книга Даниила Андреева «Роза мира». В ней автор предложил новую программу по спасению человечества. Во многом непонятное мне произведение попало мне сначала в самиздатовском варианте, а затем уже растиражированное до немыслимых размеров. Книга привлекла внимание также тем, что ее автор, Даниил Андреев, сын писателя Леонида Андреева, свои последние годы, почти до самой смерти в 1959 году, провел во Владимирском Централе по необоснованному обвинению.

Основная мысль произведения заключалась в том, что следовало бы объединить христианство со всеми существующими религиями и создать единый духовный центр, Розу Мира. Это объединение возможно через образование «всечеловеческого братства» во главе с человеком некоей «высшей одаренности, сочетающим в себе праведность, дар религиозного вестничества и художественную гениальность».

Даниил Андреев утверждал, что человечество остановилось в своем развитии. Образовался гигантский вакуум духовности, который обычная наука бессильна заполнить. Понравилось мне и то, что одной из целей «Розы Мира» должно стать распространение материального достатка и высокого культурного уровня на весь земной шар, население всех стран, воспитание поколений облагоустроенного образа, превращение планеты в сад, а государств – в братство.

Даниил Андреев показался мне человеком не от мира сего, сумевшим уловить общими-ровые идеи. Передо мной словно раскрылась философия нового времени, указывающая путь ошеломляющей духовности.

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

Однажды по заданию редакции я направился в аэропорт за репортажем о перестроечных буднях авиаторов. От руководителя узнал, что малая авиация из нескольких десятков «аннушек» находится на приколе. В отсутствие денег у заказчиков и клиентов самолеты перестали использовать для распыления удобрений на поля, для перевозки грузов и пассажиров. Аэропорт замер в ожидании своей дальнейшей судьбы.

Для полноты репортажа заглянул к синоптикам, механикам, в пустующий отдел перевозок. Затем поднялся наверх, в диспетчерскую. За стеклянными окнами открылась пустующая взлетная полоса. Сбоку рядом, словно сонные мухи, разместились неувядаемые от времени «Ан-2». Грустную картину дополняла фигурка какой-то собаки, не спеша пересекающей взлетное поле.

Диспетчеры рассказали, что за неделю во Владимире садятся и взлетают лишь три-четыре самолета. В остальное время аэропорт погружается в непривычную тишину.

При разговоре с диспетчерами меня не покидало чувство, что с одним из них, довольно пожилым, немного сутуловатым мужчиной, я уже встречался. Записав в блокнот фамилии обоих диспетчеров и спустившись вниз, разговорился в приемной руководителя с секретаршей. Молодая женщина рассказала мне о людях, с которыми удалось встретиться, немало любопытного. Оказывается, командир авиаподразделения раньше был военным летчиком. Один из механиков прошел войну, служил в авиации, но до сих пор не может расстаться с самолетами, обращается с ними как с малыми детьми.

Словоохотливая и толковая секретарша поведала и о личности пожилого диспетчера. «Это – наш святоша, верует в Бога, человек молчаливый, нелюдимый. Долго работал на Крайнем Севере...»

Продолжая говорить о диспетчере, собеседница задумчиво добавила: «Станный он какой-то... Словно не от мира сего. Но добрый, беззлобный, никогда ни про кого плохого не скажет».

Диспетчер оказался Андреем Петровичем Рудневым. В тот момент ни имя, ни фамилия ничего мне не говорили. Единственное, что привлекло мое внимание – это работа Руднева на Крайнем Севере.

При написании репортажа я просмотрел дневники, которые вел, работая в районной газете в Тикси. О летчиках я делал материалы неоднократно, самолеты всегда вызывали в моей душе особое приятное волнение и воспоминание. Ведь только самолетами и вертолетами можно было добраться в отдаленные села и поселки самого северного тундрового района Якутии.

В одной из дневниковых общих тетрадей я обнаружил запись о встрече в гостинице аэропорта Тикси в пургу. Незнакомый летчик рассказал мне тогда грустную историю своей северной любви. Звали летчика. Андреем Петровичем. Прочитав это имя в тетради, я вздрогнул: «Не тот ли это Андрей Петрович, который мне ныне встретился?» Ведь мой сегодняшний знакомый тоже много лет летал в небесах Арктики. Однако прошло уже почти двадцать лет, и я никак не мог вспомнить лицо моего давнего ночного собеседника.

Репортаж я написал быстро, он даже прошел на первой полосе. В мыслях я продолжал возвращаться к пожилому диспетчеру, вспоминал и о ночной встрече в гостинице. «Неужели два Андрея Петровича – одно и то же лицо? Потрясающее совпадение!» Если это так, то передо мной редчайшая фаталистическая случайность.

Наконец-то я решил еще раз встретиться и поговорить с Андреем Петровичем Рудневым. Узнал номер телефона диспетчерской, позвонил, представился, напросился на разговор. Встречу Андрей Петрович назначил в своей квартире на проспекте Строителей.

УДАР ПО ЗАБЛУЖДЕНИЯМ

В пятиэтажном, уже далеко не новом кирпичном доме, я позвонил в квартиру на третьем этаже. Дверь открыла миловидная женщина. На вид ей было под шестьдесят, но лучистые голубые глаза и мягкая улыбка заметно молодили лицо. Спросив, кто я и откуда, она пригласила меня войти.

Квартира представляла собой «брежневку»: довольно просторная кухня, отдельные комнаты и санузел с ванной, небольшая прихожая. Сразу после того, как я снял обувь и облачился в предложенные тапочки, навстречу мне вышел Андрей Петрович. Улыбаясь и протягивая для рукопожатия руку, он немного растерянно и вопросительно произнес:

– Чем же заинтересовала вас моя персона? Сегодня журналисты для общения чаще выбирают энергичных и ловких предпринимателей...

В комнате, куда привел меня Андрей Петрович, было много книг на полках, у окна стоял стол с настольной лампой. На одной из стен висела картина, изображавшая состояние природы перед грозой и идущего по дороге к церкви монаха. Но больше всего меня удивили иконы, заполнившие один из углов комнаты. Здесь же висела и горела тоненьким фитильком лампадка.

– Присаживайтесь в кресло, пожалуйста. Лариса сейчас нам приготовит чайку, за ним и поговорим о том, что вас привело ко мне, – гостеприимно вымолвил Андрей Петрович. Он был одет в голубую рубашку, поверх которой на крепкой фигуре ладно сидел серый джемпер. Внимательно, как бы изучая, он взглянул на меня и присел на стул около стола. Через несколько минут Лариса Николаевна, – так звали жену Андрея Петровича, – принесла нам чай, бутерброды с колбасой, печенье.

– Грешен я, люблю крепкий чаек, привык к нему на севере, – заметил Андрей Петрович. Помните, у Блока есть такие строчки: «Авось и развеет кручину хлебнувшая чаю душа»? Так вот, чай согревал меня в стужу, поднимал настроение, когда было не по себе. Он до сих пор выполняет это назначение, оставаясь постоянным спутником моей жизни. Но только чай должен быть настоящий, без подделки. Сегодня я чаще пью «Анабель», пусть он дороже, но зато действует как надо...

Андрей Петрович сказал, что прочитал в газете мой репортаж и отметил, что я уловил главную приметку времени – развал и разруху, воцарившиеся повсюду после объявления перестройки.

– Снова Россию втянули в очередную авантюру, – размышляя, произнес Андрей Петрович. – Русские всегда готовы бросаться из одной крайности в другую, оттого и страдают, негодуют, бедствуют.

Постепенно разговор переключился на тему, ради которой я и пришел к Рудневу. Спустя несколько минут мне стало известно, что Андрей Петрович действительно жил и летал на Крайнем Севере, что долгое время провел в Тикси, откуда и ушел на заслуженный отдых. В беседе я все откладывал и откладывал главный вопрос, касавшийся его чувства к безвременно погибшей Оле. О таких жизненных моментах людям вспоминать всегда тяжело: светлое, хотя одновременно и горькое прошлое никому не хочется перед кем-то лишний раз ворошить, оно навсегда остается наедине с сердцем человека.

Но, к моему удивлению, Андрей Петрович быстро вспомнил про нашу встречу в гостинице аэропорта во время пурги.

– Это надо же, столько лет прошло! А как будто сегодня все было. После Арктики я уехал во Владимир – здесь у Ларисы жили родители. Получили мы эту квартиру, воспитали двух сыновей – сейчас они живут отдельно своими семьями: Алексей – в Москве, Геннадий – в Серпухове. Частенько ездим друг к другу, с внучатами встречаемся. Как видите, Леонид, перед вами вполне благополучные пожилые люди, окруженные хорошими родственниками, имеющие, что сегодня немаловажно, свою крышу над головой. Мне даже удается, помимо пенсии, подрабатывать. Правда, служба в аэропорту диспетчером больше для души, чем ради денег. Глядя на самолеты, пусть даже законсервированные, на чистое взлетное поле, я словно возвращаюсь к своей молодости, в лучшие годы моей суровой северной жизни. Аэропорт во Владимире стал как бы перекидным мостиком из прошлого в настоящее. А вот из настоящего в будущее – совсем другая дорога...

Какое-то время мы вспоминали об Арктике, о людях, с которыми нас сводили обстоятельства. Сошлись на том, что северяне – народ более отзывчивый и надежный, всегда готовый помочь в трудную минуту. Здесь же, на материке, чаще иные измерения в человеческих отношениях – в них больше корысти, зависти, холодности и безразличия. На словах люди «могут» многое, а как дойдет дело до конкретной ситуации, требующей участия – сразу выплывает на поверхность масса уводящих в сторону причин.

– Сначала мне было трудно привыкать к здешней жизни, – задумчиво произнес Андрей Петрович. – После Тикси я оказался словно в вакууме, в какой-то изоляции от непонимающего меня общества. В этот непростой момент мне здорово помогла вера в Бога. Через нее я обрел спокойствие, стал более уравновешенным даже к своим недругам, перестал обращать внимание на разные колкости, чаще направленные именно в православного человека.

Как только Андрей Петрович завел разговор о вере в Бога, само собой вырвался давно волновавший меня вопрос:

– Как мы можем говорить о существовании Бога, если его никто не видел?

Андрей Петрович посмотрел прямо мне в глаза, но так мягко и обволакивающе, что я не смог понять, осуждает или одобряет он мою попытку перевести диалог в заинтересовавшее меня русло. После короткого задумчивого молчания он заговорил.

– В вопросе заключено утверждение, по меньшей мере наивное. Мы верим в существование многих вещей и явлений, которых никто из людей не только не видел, но и видеть не может, например, бесконечную Вселенную, свой собственный ум, электрический ток, любовь... Поэтому Бог есть Дух, который «видится» не глазами, а духом – бесстрастным умом и чистым сердцем. О существовании Бога говорит, например, такой факт. Математики подсчитали, что для случайного возникновения жизни на земле нет ни одного шанса из множества

миллионов. В доказательство того, что обо всем живом, нас окружающем, проявлена забота и что все заранее кто-то предусмотрел, можно привести следующий пример. Люди на земном шаре живут благодаря генам. Так вот, эти ультрамикроскопические гены с индивидуальными признаками всех шести миллиардов человеческих существ можно поместить в одном наперстке. Ген заключает в себе даже ключ к психологии каждого отдельного существа, вмещающая все это в таком малом объеме. Умом постичь все это очень сложно, но это доказанный учеными факт. Таких доказательств бытия Бога можно привести сотни и тысячи.

Услышанное от Андрея Петровича отложилось в моем сознании, но до конца не удовлетворило моего любопытства. Я просто не мог сразу поверить в то, что долгие годы отрицал. Поэтому вслед за первым само собой явился второй вопрос:

– Скажите, пожалуйста, Андрей Петрович, как оценивать сверхъестественные способности прозорливости и силы воздействия на людей, например, Даниила Андреева в его «Розе Мира» и болгарской ясновидящей Ванги, учений дианетики и агни-йога? Ведь там о вере и религии, о совершаемых чудесах можно почерпнуть много недоступного обычному человеку! Эти люди или авторы учений открыли для человечества новые черты Бога, дали свое понимание веры и нереализованных талантов. Они зовут в будущее, которое захватывает, вызывает желание работать над собой, магически поработает ум и волю. Или вот, например, во Владимире живет женщина, способная по ночам слышать голос из Космоса. Этот голос диктует ей тексты из прошлого, настоящего и будущего. Разве это не фантастика?! Почему вдруг Бог в одночасье наделил столько людей качествами, себе присущими. Зачем же тогда нам ходить в храмы, исповедоваться, причащаться, если Бога можно почувствовать гораздо быстрее, чем через православие?

Все это я выпалил Андрею Петровичу как бы на одном дыхании. Чудесные факты невероятным образом повлияли на мое восприятие жизни. Я был словно погружен в нескончаемый и сладостный сон, направо и налево с пафосом знакомил родственников и друзей с таинственным и невидимым миром, зовущим к чему-то светлому, радостному, но пока непонятному.

Когда я это говорил Андрею Петровичу, то ощущал свое превосходство перед ним. Думал, что мне одному из немногих удалось познакомиться со столь разнообразными и захватывающими направлениями божественной деятельности. Я также считал, что при серьезной работе над собой можно добиться такого же ощущения Бога в своей душе. И это – главное. А церковные обряды просто сродни чему-то языческому, идущему из далекого прошлого и зовущему человека назад, а не вперед – к небу, звездам, бесконечности. Я был почти уверен, что мой собеседник со всем этим не знаком и готов был рассказать ему подробнее о своих познаниях Космического и божественного.

Андрей Петрович внимательно меня выслушал и, уставившись в одну точку, задумался. Затем вдруг резко поднялся, подошел к углу, где были расположены иконы, упал перед ними на колени и, перекрестившись, начал с надрывом в голосе произносить:

– Господи! Отец мой небесный, радость моя светлая! Прости, Христа ради, раба Твоего Леонида за столь тяжкие грехи, кипящие в его голове. Остуди его, вразуми его, приведи к истинной вере и покаянию, защити от всякого зла и злого умысла. Прости меня, грешного, что я молюсь за эту опутанную темными силами душу...

Андрей Петрович продолжал молиться. В глазах его вдруг появились слезы, которые он даже не пытался скрыть. На какое-то мгновение он застыл с опущенной на груди головой и только потом провел платком по мокрым глазам. Поведение его оказалось столь неожиданным, что я не мог вымолвить ни слова. Слезы на глазах Андрея Петровича вызвали к нему жалость – на мой взгляд, мужчина должен быть более сдержанным в проявлении своих чувств и эмоций. Но, с другой стороны, его молитвенное обращение к Богу о прощении моих грехов вызы-

вало к Андрею Петровичу уважение. В одном я не сомневался: все, что он произносил, было искренним, идущим из глубины души. Но в чем я виноват перед ним, перед Богом?

Когда Андрей Петрович успокоился, он поближе подвинул стул, присел на него, и, глядя прямо мне в глаза, заговорил. При этом он стал обращаться ко мне на «ты» словно к близкому человеку.

– Горько становится, когда я вижу заблудившихся в трех соснах людей. Коммунистическая идеология, царившая долгие десятилетия, буквально поглотила собой все, что испокон веков было светлого и чистого в русской душе. Атеизм пронесся над страной как черный ворон, посеяв в сознании людей настоящий чертополох сорняков от истинной веры. В твоей голове, Леонид, как и у большинства подобных тебе, воспитанных на идеях лучезарного будущего, произошло элементарное затормаживание мысли. Ныне же эта мысль обрела неожиданную свободу. И ей захотелось просто погулять по запретным закоулкам. Но закоулки оказались грязными, и чтобы теперь очиститься от этой чернухи, надо приложить определенное старание. Провести же чистку лучше с посторонней помощью, потому что одному не управиться. Попробую помочь тебе приплыть к родному берегу, который ты из-за сильного тумана в голове еще никогда не видел.

Последние слова, произнесенные Андреем Петровичем, были мне более понятны, чем то, что он сказал в молитвенном обращении к Богу. В них, действительно, была доля правды. И все равно я не мог сообразить, в чем же заключались мои заблуждения в поисках истины.

Тем временем речь Андрея Петровича становилась более четкой и уверенной, слова его с первого произношения зацепились за мое сознание, потому что они говорили мне о знакомом, но по-другому. Характерно, что Андрей Петрович не поучал меня, как любят это делать со студентами профессора. Он беседовал со мной, как равный с равным.

– Все, кто думают подобным образом, не учитывают одного важного обстоятельства. Они предали забвению наличие вокруг нас темных сил. Эти силы сопровождают людей с самого рождения. Если говорить образно, то с правой стороны от человека находится его добрый Ангел-Хранитель, а с левой – демоны, посланники от сатаны. И между ними идет борьба за нашу душу. Еще Достоевский писал, что «в мире сатана борется со Христом, а поле битвы – сердце человека». Если бы человек знал, как сильны и страшны действия сатаны! Преподобный Серафим Саровский говорил, что «если бы дозволил Господь, то сатана одним ногтем мог стереть с мира земли весь род человеческий».

Твои нынешние увлечения, Леонид, связаны с посланцами именно темных сатанинских сил, которые действуют тонко, со знанием дела, попадая в самый центр своей мишени – в душу, а то и сердце человека. Даниил Андреев откровенно признавал, что он не успевал записывать все то, что ему диктовалось, и поэтому рукописи носят стенографический характер. А посмотри, что проповедует его «Роза Мира». Призывая к объединению всех религий, от православия до иудаизма, в «интеррелигию», в некую мировую «церковь», он тем самым добивается, подобно мировому правительству, контроля над всеми народами. Но эти идеи и идейки идут от лукавого духа, который умеет действовать на человеческие умы, ибо демоны, как известно, имеют обширный и многовековой опыт оболыщения человечества. Болгарская ясновидица Ванга тоже рассказывала, что с нею постоянно общаются какие-то неведомые существа из космоса, которым она обязана своими пророчествами. Она, слепая, как бы слышала всевозможные повеления от трав, деревьев, камней, птиц, разных других предметов и живых существ. Более того, Ванга поддерживала общение с умершими, задавала им вопросы, получала от них ответы, даже видела перед собой их образы. Волшебники, гадалки, спириты, вызывая души умерших и общаясь с ними, действуют от темной силы. По сути, они имеют общение не с истинными душами умерших, а с бесовским наваждением. Им является бес под видом умерших и отвечает на вопросы.

Многие, как и ты, Леонид, очарованы «Дианетикой» Хаббарда. Но ведь его сын рассказывал, что отец значительную часть «научных открытий» «создал» в состоянии глубокого наркотического опьянения. Остальное он «похитил» из писаний Кроули – одного из самых известных сатанистов двадцатого века. Учение «Агни-Йога» тоже было надиктовано Елене Рерих телепатически на протяжении многих лет. Тексты этого учения, действительно, поэтические, завлекательные, местами притчи или афоризмы. Они даже могут пробудить экстрасенсорные способности, льстящие человеческому тщеславию. Но это молитвы духа тьмы, несущие большой заряд отрицательной демонической энергии. «Живая Этика» – это псевдорелигия, страшная духовная подделка. Подобное послание, но иного плана поступает и к твоей знакомой женщине, которой ты восхищаешься.

Более близкими, более приземленными для нас кажутся экстрасенсы, гипнотизеры, разные кодировщики, расплодившиеся в несметном количестве. Однако они разрушают своими оккультными методами защитную силу человеческой души, охраняющую нас от темного бесовского мира. «Целитель» подавляет волю больного и оказывает на него демоническое воздействие. Теперь ты видишь, Леонид, под какую мощную атаку темных сил попало твое сознание. И они просто так тебя не отпустят. Эта публика крайне мстительная, если увидит, что человек начинает уходить из-под ее влияния. В свое время я это на себе испытал, сейчас даже жутко вспоминать. Тут без помощи Бога не обойтись...

От слов Андрея Петровича мне стало не по себе. Я понял, что влип в неприятную историю, разобраться в которой до конца не могу. О демонических силах, окружающих и действующих на нас, раньше я ничего не знал. На меня повеяло какой-то тяжелой, мрачной загадочностью. Более того, даже показалось, как что-то темное протягивает ко мне свои невидимые руки.

Чтобы встряхнуть с себя неприятное ощущение, я поспешил первым заговорить с Андреем Петровичем после воцарившегося молчания.

– Как же Бог может помочь побороть одолевающие меня сильные искушения?

– Скажи, Леонид, ты крещеный?

– Нет.

– Тогда тебе немедленно надо покреститься.

– А что это мне даст? Сейчас стало модно креститься. Ну и что? Допустим, я совершу этот обряд и буду, как многие, с гордостью говорить: «Я – крещеный...» Смешно даже становится, когда люди, словно попугаи, повторяют с убеждением эти слова.

– Ты прав, огромная масса народа сейчас принимает крещение, но потом в церковь не ходит, Богу не молится, не кается. И снова попадает во тьму, во власть сатаны, страдает и мучается. Такое происходит потому, что люди не понимают подлинного значения, крещение – это как бы второе рождение. Точнее – рождение души. Именно так, не удивляйся. Душа, может быть, у тебя и есть, но она очень загрязнена. Так вот, при крещении Господь простит все твои прошлые грехи, которых у тебя тьма, и даст Ангела-Хранителя. С этого момента и начнется для тебя новая жизнь, ты станешь членом Церкви. Погружаясь при крещении в воду, человек как бы умирает, а затем воскресает – но уже в новом качестве. Именно в момент крещения из нас изгоняется злой дух. А дальше все будет зависеть от тебя самого: если сможешь сохранить полученное благодатное состояние, проявишь для этого определенные усилия, то станешь получать от Бога помощь. Но если покрестишься, как ты сказал, только ради моды – жди в гости еще более дерзких и еще более ожесточенных демонов.

Разговор наш продолжался еще около получаса. «Пора и честь знать», – решил я про себя. Но перед тем, как расстаться с гостеприимными хозяевами, я не удержался и задал Андрею Петровичу последний вопрос.

– Почему такой ажиотаж у людей вызвали мощи Серафима Саровского? Я еле выстоял в очереди, когда мощи пронесли через Владимир. Приложился к ним через стекло. Стоило ли ради того, чтобы увидеть кусочек мертвого тела или костей человека, даже святого, нахо-

даться на улице несколько часов? Неужели все пришли к Успенскому собору, чтобы удовлетворить свое самолюбие и затем направо и налево рассказывать о личном участии во всенародном событии?

Я уже был готов к тому, что услышу от Андрея Петровича достойный ответ. Вспомнил, как в коллективе аэропорта его называли «святошей». Значит, о мощах он тоже мог рассказать что-то новое, необычное.

– О Серафиме Саровском разговор особый, он один из самых почитаемых в России святых. А вот о мощах тебе бы надо кое-что знать, ведь ты живешь во Владимире, ходишь иногда, как ты говорил, в Успенский собор. А в нем много мощей, в том числе таких исторических личностей, как Андрей Боголюбский, благоверный князь Георгий Всеволодович, совсем юный Глеб Андреевич, Александр Невский...

Если кратко сказать, то мощи – это останки святых, почитаемых церковью, обладающие даром чудотворения, способные исцелять разные болезни и изгонять бесов. Мощи – «семена вечности». Тела некоторых умерших святых не поддаются гниению, как у обычных людей, они лишь высыхают, становясь словно мумии. При этом останки благотворно действуют на окружающих. Мощи являются как бы проводниками высших энергий.

Если верующий, крещеный человек особым образом молится около мощей, то иногда получает от них исцеление или другое благодатное воздействие как от живого человека.

Вот покрестишься, Леонид, начнешь на службы ходить, молиться, поститься, тогда, может, и почувствуешь силу мощей. Но до этого тебе еще далеко... Надеюсь, что ты кое-что понял из нашего сегодняшнего разговора. Торопись, жизнь коротка. И думай, головой думай, не поддавайся на провокации темных сил. Звони, заходи ко мне, всегда готов тебе помочь, разъяснить непонятное. Божественное чувство приходит не сразу, веру надо максимально приблизить к своему сердцу. Но зато потом ты осознаешь, что ближе Бога на свете никого нет. Тогда и жизнь твоя коренным образом изменится...

В ТУПИКАХ РЫНОЧНОЙ ЭКОНОМИКИ

Встреча с Андреем Петровичем стала для меня холодным душем. По его совету я покрестился – обещал это сделать много лет назад своей теще, но не успел, она умерла.

После крещения я стал сам не свой. Из меня так и выпирала гордость, что я приобщился к Богу и стал другим человеком. Начал ходить на службы в храм, но там всегда становился вперед. Думал, что теперь я «образованный» православный, и бабушкам меня учить ничему не надо. То, что говорили во время службы священник и дьякон, у меня в одно ухо влетало, а в другое вылетало. Свою веру я «укреплял» постными днями по средам и пятницам, свечками, которые ставил за здоровье и за упокой. Выучил несколько молитв наизусть. Короче, я решил, что мое служение Богу почти достигло совершенства, на душе было легко и спокойно, я даже пытался поучать других неверующих.

И в этот момент, видимо, в бой вступили темные силы. Конечно, я не придавал им значения, продолжал жить как и раньше. Но сама жизнь вдруг покатила под откос, стала одолевать разными неприятностями.

Газета стала постепенно чахнуть. Появились вокруг многочисленные конкуренты, которые более смело высказывали взгляды на жизнь. Руководство бывшего партийного издания не смогло вовремя уловить нить рыночной экономики, что обернулось потерей былого авторитета. А снижение тиража и подписки напрямую отразилось критическим уменьшением заработной платы.

В какой-то момент я доверился одному человеку, хотел искренне помочь ему в трудный период его жизни. А человек меня жестоко обманул – я в одночасье лишился денег, которые копил на приобретение машины. У меня хватило благоразумия не мстить ему, не оказывать на него физического воздействия, хотя такой поворот событий был возможен. Может быть, я совершил ошибку, но впервые в жизни, следуя одной из божественных заповедей, простил

своего «хитрого» знакомого. Совершить такой поступок было очень непросто, ведь сердце мое кровоточило от боли и обиды.

Только-только я начал привыкать к своему доброму батюшке в Богородице-Рождественском монастыре, как отца Юстиниана перевели на службу в город, расположенный от Владимира за девяносто километров. Добираться туда без своего транспорта стало затруднительно. Однако я успел покаяться отцу Юстиниану во многих грехах, которые совершил за сорок с лишним лет предыдущей жизни. Почти полчаса я читал ему по записи на бумажке все, что удалось вспомнить. Зато после такого покаяния и последующего причастия в душе моей заметно полегчало.

Однажды мне приснился сон. Будто святой благоверный князь Георгий-чудотворец встает из своей раки с мощами, берет меня за руку, ведет куда-то и при этом дает какие-то советы. После сна я еще больше возгордился, решив, что нахожусь на верном пути к Господу, раз сам святой, хотя бы и во сне, решил уделить мне внимание.

О своем сне я тут же проболтался священнику, который сотрудничал с нашей газетой. Тот, словно успокаивая меня или, наоборот, давая дальнейший ход моей запредельной фантазии, подтвердил, что это редкий священный сон. Тем самым отец Андрей подпитал мою гордыню новым повышенным самомнением.

В одной из паломнических поездок в Троице-Сергиеву Лавру мне удалось случайно или, вернее, закономерно минут десять побеседовать с одним из самых известных батюшек в стране – отцом Наумом. Этот старец дал мне немало ценных советов, которые я в дальнейшем стал применять на практике. Но, следуя уже заведенной традиции, я стал говорить об этом везении налево и направо, даже не пытаясь скрыть свою похвальбу. Ведь иные не могли попасть к старцу годами, а мне вдруг улыбнулась такая удача.

Вскоре я покинул газету, занялся операциями с недвижимостью. Дело шло ни шатко, ни валко, чувствовалось, что мои начальники меня втихую обманывают, получая приличные деньги, а мне выдавая лишь крохи. Но не это послужило толчком к тому, что я быстро расстался с новой работой. Просто вдруг стало понятно, что без обмана клиентов, без выманивания у них немалых лишних денег здесь вообще ничего не заработаешь. Это обстоятельство вступило в противоречие с моим пониманием другой божественной заповеди. И я без сожаления покинул риэлторскую фирму.

После операций с недвижимостью я с головой окунулся в издание газеты «Неотложная помощь вашему здоровью». Учредитель из Москвы назначил меня редактором. Подобрался хороший коллектив энтузиастов, болеющих за дело. В течение года мы крепко развернулись, охватив газетой более двадцати российских регионов. Был составлен маркетинговый план, как изданием завоевать молодежного читателя. Увы, московскому хозяину не терпелось получить от печатного органа быструю отдачу в виде хорошей прибыли. Он не понимал, что газета – не поле для скороспелых барышей. Учредитель равнялся на издания, уже несколько лет работавшие на газетном рынке. И в один прекрасный момент он заявил, что закрывает нашу «неотложку». И мы, сотрудники ее, остались без работы.

С журналистикой мне расставаться не хотелось. Именно с этой профессией у меня связаны незабываемые воспоминания о жизни на Крайнем Севере, о встрече с Андреем Петровичем, с работой в областной газете, потерявшей свое партийное величие в перестроечные годы.

Во Владимире в последние годы нашла свою нишу в рыночной среде городская газета «Молва». Она отличалась зубастостью, прямоотой, смелостью публикуемых материалов, за что редактору пришлось неоднократно судиться с обиженными чиновниками. Редактор был выходцем из областной газеты «Призыв», поэтому, когда я попросился в «Молву», он взял меня рядовым корреспондентом.

За пять лет пребывания в этом издании у меня прошло немало материалов, связанных с проблемами рыночной экономики, особенно в сфере сельского и лесного хозяйства. Как всегда

заметный интерес проявлялся мною к незаурядным личностям. Среди них были изобретатель, архитектор, участник войны, медицинская сестра, руководитель лесничества.

Работа в «Молве» позволяла мне, чего не могло быть в партийной коммунистической газете, писать также материалы и на тему веры, православия, религиозного мировоззрения. В этот период я познакомился со многими настоятелями владимирских храмов и рядовыми священниками, с руководителями владимирской епархии. Было немало памятных встреч, после которых я все больше и больше погружался в таинства и существо христианской веры. Тем более, что я не терял связи и с Андреем Петровичем, всегда готовым помочь мне в разрешении тупиковых вопросов.

ПО СЛЕДУ ОДНОЙ ЛЕГЕНДЫ

История города Владимира тесно связана с именем святого благоверного князя Александра Невского. На протяжении одиннадцати лет до самой смерти он был великим князем Владимирским. После кончины тело Александра было погребено в ноябре 1263 года во Владимире, в монастыре Рождества Богородицы. Во время отпевания совершилось первое чудо: когда усопшему князю вкладывали разрешительную грамоту, он протянул за нею руку и опять сложил руки на груди. С этого момента началось бессмертное почитание святого. В дальнейшем у нетленного тела блаженного князя, которое было помещено в раку, произошло много чудес, прежде всего связанных с различными исцелениями.

В 1491 году сильнейший пожар уничтожил город Владимир. Он охватил также и храм, однако мощи Александра Невского оказались нетронутыми.

Узнав о силе действия мощей благоверного князя, император Петр Великий распорядился перенести мощи святого из Владимира в Петербург. Ему очень хотелось, чтобы они помогли утвердиться новой столице, основанной на берегу той самой Невы, где святой князь прославил Русь своими победами. Шествие мощей продолжалось более года, пока они не обрели своего пристанища в соборе храма Троицы Александро-Невской Лавры.

Однажды, в декабре, мне поручили в редакции дать информацию или сделать небольшой репортаж с митинга, посвященного памяти благоверного князя Александра Невского. Он должен был состояться у изваяния святого, расположенного на небольшой площадке напротив здания областной милиции.

С фотокорреспондентом мы пришли как раз к началу митинга. Погода была промозглая: дул порывистый ветер, с мелким снегом. Присутствующие на митинге чувствовали себя неуютно: притопывали замерзающими ногами, прихлопывали коченеющими руками, прикрывали лицо шарфами и воротниками пальто.

Как и положено, первым взял слово глава администрации Владимира. Он сказал вполне теплые, но дежурные слова о роли Александра Невского в истории Древней Руси. Затем выступил владыка Владимирской епархии. Его тихий голос, сдуваемый ветром, едва долетал до митингующих. Архиерей подчеркнул, что благоверный князь был похоронен именно во Владимире, что церковь высоко оценила его заслуги перед отечеством, возведя в чин святых.

Однако мне особенно запомнилась коротенькая, но выразительная, громкая и четкая речь одного военного, возглавляющего некую общественную организацию имени Александра Невского. Мне удалось его выступление полностью записать на диктофон.

– Вспомним, что Золотая Орда фактически полностью завоевала Русь. Давайте спросим себя: могли ли предвидеть неизбежность развала Орды русские люди в тринадцатом веке, когда могущество империи Чингисхана и его наследника хана

Батые было столь великим? Конечно же, никто не мог предположить этого, никто, кроме одного человека. Но что может сделать один человек – он ведь в поле не воин? Оказалось, может – при условии, что он гений и ему помогает Господь. И еще одно обстоятельство необходимо: чтобы он обладал властью. Всем этим требованиям отвечал святой благоверный князь Александр Невский. С молодости он завоевал самый высокий авторитет среди других князей

своими воинскими успехами. К тому же он был глубоко верующим православным христианином, всегда уповавшим на Бога. Оставаясь вассалом хана, Александр смог выработать и воплотить в жизнь правильную стратегию спасения Руси. Эту его стратегию не принимал никто, даже его родной брат Андрей, поскольку она была парадоксальной. Александр считал, что нужно всячески ублажать ордынцев и жить с ними в мире, но насмерть стоять против западного врага. По логике надо было вроде бы поступать противоположным образом: поскольку и русичи, и католики исповедовали одного и того же Христа, объединиться с этими братьями по вере и совместными силами разгромить языческую Орду. Александр догадывался, что этот путь ведет как раз к гибели России. В дальнейшем история с Византией подтвердила это самой жизнью...

Завершил свое выступление военный такими словами:

– Мне думается, что если бы мощи нашего великого соотечественника были из Санкт-Петербурга снова возвращены на свое родное пристанище, во Владимир, святой мог бы сотворить немало полезного для нашей современной жизни. Сегодня я склоняю голову перед этим могучим человеком.

Вскоре митинг закончился, и люди стали расходиться по своим присутственным местам. Фотокорреспондент пошел еще снимать что-то по заданию редактора. Я же не спеша отправился к довольно неблизкой автобусной остановке, чтобы потом быстрее добраться до редакции и сдать в номер оперативный материал.

В какой-то момент меня догнала женщина, с которой я был знаком еще по работе в «Призыве». Она была глубоко верующей и часто приносила в газету любопытные заметки. Правда, не все они шли в печать.

– Здравствуйтесь, Леонид Владимирович! Давно я с вами не виделась. Какое впечатление произвел на вас митинг?

– Запомнилось выступление военного. Умно, по существу он говорил. Я давно не слышал таких слов об Александре Невском.

– Вы правы: это была самая сильная речь. А знаете ли вы, что во Владимире упорно бытует среди православных легенда о том, что судьба мощей святого Александра Невского совсем иная, чем нам представляется?

– Да что вы? От вас об этом слышу впервые. Расскажите, пожалуйста.

– Люди, от которых я узнала эту историю, ссылаются на некую дореволюционную книгу, повествующую о прошлом Владимира. А суть легенды такова. Мощи Александра Невского по указу Петра Первого благополучно дошли из Владимира в Петербург и были помещены в Александро-Невской Лавре. Однако когда схлынуло народное ликование по поводу этого события, мощи из раки исчезли и... снова оказались на привычном месте во Владимире.

Их снова, правда, на этот раз без торжества, тайно принесли в Петербург. Но они опять «ушли» оттуда во Владимир. Во время третьего переноса в град Петра мощи по дороге исчезли, а потом вообще потерялись из виду. То есть, получается, что ныне мощей князя Александра Невского, не считая частиц их, нет ни в Санкт-Петербурге, ни во Владимире. Вы знаете, Леонид Владимирович, что Господу все возможно. И ему, конечно, ничего не стоило снова «украсть» мощи нашего земляка и определить их где-нибудь уже невидимо. Может быть, вам удастся узнать истину о мощах. Проведите журналистское историческое расследование. Позвоните, если что-нибудь получится.

После того, что я услышал, просто оказался в шоке. Во Владимире, в Успенском кафедральном соборе, в большом саркофаге находится маленькая частица мощей Александра Невского. А что же тогда можно увидеть в Санкт-Петербурге, в Александро-Невской Лавре?

Книги, на которую ссылаются носители легенды, во Владимирской областной библиотеке не оказалось. По моей просьбе был сделан запрос в Москву, но оттуда не ответили. Тогда я взялся за тщательное изучение биографии великого князя. Выяснил любопытный факт. Когда мощи Александра находились во Владимире, около них произошло много чудес. Но, ни в одной

книге нет упоминаний о том, чтобы подобное совершалось в Петербурге. Уже это подвергает сомнению утверждение о наличии там мощей нашего земляка.

Может быть, ради того, чтобы не вводить в «заблуждение» весь народ, чтобы последний не расставался с мыслью о величии Петра Первого и Петербурга, решено было скрыть правду?

Однако домыслы мои здесь неуместны. Даже для легенды должны быть какие-то доказательства. Увы, на тот момент их не существовало.

Во время одной из встреч я поделился своими мыслями с Андреем Петровичем. Он о легенде ранее не слышал и тоже оказался потрясенным фантастической народной молвой.

– Попробуй поступить так, Леонид, – уже более спокойно заметил Андрей Петрович. – Обратись с вопросом к своему батюшке, отцу Юстиниану. Ведь несколько лет назад он был настоятелем Богородице-Рождественского монастыря, в котором и был захоронен Александр Невский. Мне думается, что отец Юстиниан что-нибудь знает об этой истории с мощами.

Я сразу согласился с предложением Андрея Петровича. И в ближайшее воскресенье был в храме, где ныне служил батюшка.

Как обычно, я подошел к отцу Юстиниану исповедаться. А после обратился с интересующим меня вопросом. Батюшка немного задумался, а потом решительно сказал:

– Не наше дело заниматься такими изысканиями. одному Богу известно, где сегодня находятся мощи Александра Невского. И когда нужно будет, они вскроются. Однако посоветую почитать книги православного писателя Сергея Нилуса.

Там, как мне кажется, что-то было сказано об интересующем тебя вопросе.

Ну и задал же мне задачку отец Юстиниан! В течение месяца я прочитал несколько книг Нилуса. Правда, я извлек из них для себя немало полезного. Но главное – я нашел то, что искал. Открытие было просто удивительным.

В своей книге «На берегу Божьей реки» Сергей Нилус приводит эпизод разговора Мотовилова с будущим святым преподобным Серафимом Саровским. Эпизод не выдуман, он нашел отражение в одной из тетрадей с записями Мотовилова. Последний на протяжении многих лет находился рядом с Серафимом Саровским и оставил о нем подробные воспоминания. Приведем разговор полностью. Сначала речь шла о том, что Серафим Саровский «прозрел» судьбу своих мощей и предсказал все, что сбылось более чем через сто лет.

Святой провидец вообще довольно ясно предсказывал грядущее. Среди этих будущих и сбывшихся событий – судьба государя Николая Второго, революция, крах России, сталинские репрессии, Великая Отечественная война и другие. И вот что святой сказал о судьбе мощей Александра Невского в передаче Мотовилова и Сергея Нилуса.

«Часто слыша от Великого Старца, что он плотью своею в Сарове лежать не будет, я однажды осмелился спросить его: «Как же, Батюшка, вы изволите все говорить, что вы плотью своею лежать не будете. Нешто вас саровские отдадут?» И на сие Батюшка, приятно на меня взглянув и улыбнувшись, изволил мне ответить следующее: «Ах, Ваше Боголюбие, Ваше Боголюбие. Какие вы. Уж на что Царь Петр, то был Царь из Царей, а захотел мощи Святого Благоверного князя Александра Невского перевести из Владимира в Петербург, а Святые мощи того не пожелали, и в Петербурге их нет», – «Как же нет? – осмелился я возразить великому старцу. – Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской Лавре». – «В Александро-Невской Лавре, говорите вы, – ответил мне Батюшка.

– Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, Ваше Боголюбие, что их там нет!»

Безусловно, Серафим Саровский знал все о мощах Александра Невского. Но о некоторых вещах святой мог говорить только недомолвками – нельзя, видно, было разглашать тайну без разрешающей Божией воли. Так неужели тайна нахождения мощей благоверного князя останется тайной навсегда?

СЖЕЧЬ НЕ ЗНАЧИТ ОПРОВЕРГНУТЬ

Суббота. День выходной. Около одиннадцати часов меня отправили в магазин за продуктами. Возвращаюсь обратно с двумя пакетами в руках. Неожиданно передо мной плавно спускается бумажный самолетик. Опускаю один пакет на тротуар, беру самолетик, собираюсь его отправить обратно. А кому? Вблизи никого не видно, значит, самолетик пустили с верхнего этажа высокого панельного дома. Наверно, какой-нибудь мальчуган решил поиграть и отправил с балкона вниз бумажную поделку.

Я повертел самолетик в руках. Обнаружил, что он «сооружен» из двух листов, вырванных из какой-то книги. Ради интереса я развернул листки, из которых был сделан самолетик. Сразу стало заметно, что листки были вырваны невпопад. На одном шел какой-то текст. А вот на другом, видимо последним в книге, было помещено название издания: «Но избави нас от лукавого». Именно эти слова из молитвы Господней привлекли мое внимание. Машинально сложив листки, я поместил их в нагрудный карман рубашки. Решил, что дома посмотрю находку. И о своем намерении благополучно забыл. О листках мне напомнила жена, когда неделю спустя решила отправить рубашку в стирку. Она вынула из кармана листки и отдала мне: «Посмотри, может, они тебе нужны. Я уже выбросить хотела».

На одном из листков название мне было уже знакомо. На обороте листка было оглавление отдельных частей. Скорее всего это была книга, так как число страниц, указанных в содержании, превысило четыре сотни. Повертев листок, хотел уже его выбросить. Не сделал это только потому, что второй листок вызвал у меня повышенное внимание. Прочитал на странице 339 и на обороте текст в виде пронумерованных абзацев. И понял, что он имеет непосредственное отношение к Апокалипсису из Нового Завета, а приводимые фактические данные взяты из нашей сегодняшней жизни. Что же я вычитал на двух страницах листка?

«Вот под каким символом действуют сотрудники компании Oracle. Вот под каким символом присваиваются социальные номера москвичам по международным правилам, глубокий смысл которых известен только представителям оккультных наук.

Отсюда нетрудно догадаться, в какую область духовного мира поведет «Социальная карта москвича» ее обладателя...

Внимательный читатель несомненно увидит, что возможности этой карты даже выше того, что сказано святым Иоанном Богословом об апокалиптическом начертании.

Прежде всего необходимо отметить полное соответствие характеристик социальной карты всем семи признакам начертания.

1. Как было показано выше, со временем без этой карты просто нельзя будет жить и работать в Москве.

2-3. В недалеком будущем карты будут выдавать в ЗАГСе при регистрации новорожденных, и социальный номер будет сопровождать каждого на протяжении всей его жизни.

4. Человек будет вынужден действовать и мыслить в полном соответствии с правилами системного поведения. В самых разнообразных случаях жизни от входа-выхода из дома и поездок на транспорте до визита к врачу и покупок в универсаме карта будет постоянно находиться в правой руке человека. Буквально с колыбели вся жизнь человека будет неразрывно связана с использованием карты, что, безусловно, наложит нестираемый отпечаток на образ мысли владельца карты или, выражаясь аллегорическим языком Апокалипсиса, на чело. Человек как бы сольется с картой в мыслях и действиях, станет единым целым с ней и системой. Отсюда понятно, что для такого человека помысел о физическом соединении карты с его телом не будет чем-то из ряда вон выходящим.

5. Без карты никто не сможет не только ничего ни купить, ни продать, но и не сможет получить медицинского обслуживания, не сможет воспользоваться транспортом, и прочее, и прочее. Карта будет служить ключом к домофону, пропуском в школу и на работу, средством доступа к компьютеру и выполнять множество других функций, определяющих всю жизнедеятельность человека.

6. Структура и способ формирования социального номера ясно показывает, что человек превращается в обезличенную единицу, пронумерованный объект киберсистемы, но имеющий признаки определенного, конкретного человека – день, год и век рождения, а также его пол. Имя перестает быть главным индивидуализирующим признаком человека, его заменяет социальный номер – мертвое бесовское антиимя – цифровая кличка, которая и будет выделять человека среди ему подобных... Личность превратится в число, которым и будет оперировать киберсистема.

7. Нет никакого сомнения в том, что на вершине выстраиваемой ныне всемирной пирамиды со временем взгромоздится именно тот, чья корона будет увенчана символом ббб. Однако, это может произойти только в том случае, если люди сами допустят его приход».

Вот такую информацию мне удалось получить на одном листке книги «Но избави нас от лукавого». Как говорит Господь: «кто имеет уши слышать, да слышит!» (Лк. 8:15). Посмотрев на другом листке содержание книги, я понял, что в ней есть еще много интересного. Возникло огромное желание приобрести ее и прочитать полностью.

Приняв такое решение, я стал посещать все имеющиеся во Владимире книжные магазины и лавки с духовной литературой. Увы, усилия мои оказались тщетными. Поездки в Москву также ничего не дали. На мой вопрос продавцы отвечали: «Да, вроде была такая книга, но она быстро исчезла. Когда снова поступит в продажу – неизвестно». Ничего конкретного о продававшейся книге мне никто не ответил.

Как-то мне захотелось побывать на службе в Боголюбовском монастыре, что неподалеку от Владимира. После окончания литургии я заглянул в книжный киоск, который находится за воротами монастыря. Литературу продавала матушка-монахиня. Наудачу я спросил ее об интересующей меня книге.

Матушка замаялась с ответом, почему-то посмотрела по сторонам, а затем, наклонившись ко мне через окошко киоска, вполголоса произнесла:

– Даже не ищите эту книгу. Как только она поступила в продажу, ее тут же начали скупать большими партиями. Один человек сказал мне, что книга негодна властям, что она пугает народ, и поэтому была команда ее сжигать...

Теперь мне стали понятны бесполезные усилия в поисках хотя бы одного, пусть завалывшегося, экземпляра книги. Остается только догадываться, насколько издание оказалось «актуальным» для нашей жизни, что от него решили сразу же избавиться. Книги «Но избави нас от лукавого» пылали в костре. Но не в костре священной инквизиции и не в фашистской Германии, а в нашей стране в начале двадцать первого века. Здесь вспоминаются знаменитые слова Джордано Бруно: «Сжечь не значит опровергнуть». Правда все равно пробьет себе дорогу.

БИБЛИЯ РАСКРЫВАЕТ ТАЙНЫ

Время шло. Я продолжал работать в «Молве». Постепенно в газете стал преобладать жанр информационного обслуживания читателей. Уже стали не нужны материалы очерковой психологической направленности. Даже живые яркие зарисовки о людях могли лежать в столе ответственного секретаря месяцами. Главным принципом в работе стал девиз: «Давай, давай, давай срочно в номер!» Качество стало уступать место строчкам, взвешенный анализ ситуации – быстрому отражению событий дня сегодняшнего.

Мне зачастую доставалось на оперативках. Все что-то предлагали, а я не мог доделать интересный материал о фельдшере или земледельце-предпринимателе. И редактор тут же укалывал при всех: «Мне нечем очередные номера закрывать, а вы все топчетесь на месте!»

Постепенно стали уходить из редакции журналисты старой формации. Они не могли схватывать все на лету и выдавать оперативные, но простенькие по форме и содержанию новости. Подумать же им просто не разрешалось. Мне же, то ли мои одиночные, но взвешенные публикации, то ли предпенсионный возраст позволили еще достаточное время продержаться в газете.

Я по-прежнему навещал Андрея Петровича. Но мой старший друг неизлечимо заболел. И хотя его глаза, как и раньше, излучали теплый свет, а на лице не пропадала добрая улыбка, чувствовалось, что Андрею Петровичу осталось жить недолго. И, готовясь к ожидаемому исходу, он чаще исповедовался и причащался в храме, больше молился наедине, читал Евангелие и Псалтирь, каноны и акафисты любимым святым.

Как-то, когда ему стало совсем плохо, Андрей Петрович позвал меня к своей кровати, на которой лежал почти не вставая. Облокотившись на цветастую подушку, он взглянул на меня потускневшими глазами. Сначала я не понял, в чем дело. Но, присмотревшись, заметил, что в глазах у него стоят слезы. Одна слезинка даже покатила вниз по щеке, оставляя за собой узенькую мокрую дорожку.

– Вот и все, Леонид. Моя жизнь на исходе... Сегодня видел во сне Олю, она была такая молодая, радостная и красивая. Улыбнулась мне, погрозила шутливо пальцем и таким, до сердца проникновенным голосом, произнесла: «Не печалься, Андрюша. Скоро свидимся. Мне здесь хорошо. Спасибо тебе за панихиды, за свечи, которые ставил, за молитвы. Они мне сильно помогли. До встречи.» После этих слов Оля как бы растворилась в тумане. Если Богу будет угодно, я снова с ней увижусь.

Вытерев платком глаза, Андрей Петрович снова взглянул на меня. Его выжидательное молчание меня озадачило. Как будто он смотрел в мою душу, о чем-то ее спрашивал и ожидал. Заговорил Андрей Петрович твердо и решительно.

– В наши дни, в конце прошлого века, жил замечательный человек – ученый Альберт Вейник. По твоему виду я понял, что ты о нем ничего не слышал. Я сам познакомился с ним через московскую газету-альманах «Не может быть». В номерах альманаха за 1992 и 1993 годы появилось две публикации. Если сказать кратко, то Вейник «нарушил» догмы классической науки, его мысль вырвалась за грани «дозволенного», за рамки пресловутых условностей. Он не только создал теорию тонкого и сверхтонкого мира, он пришел к Богу и поставил вопрос о доступности исследования этого мира. Познакомившись в газете с его идеями и открытиями, я был сильно потрясен. Не все понимал в деятельности ученого, но и то, что воспринял, смог почувствовать – проникло в мою душу и коснулось сердца. Я тебе кое-что дам почитать об открытиях Вейника. А сейчас скажу о другом.

Несколькими годами ранее я прочитал одну любопытную книжечку, написанную архимандритом Амвросием из города Иваново. И сразу у меня возникло множество вопросов, которые во что бы то ни стало решил прояснить при личной встрече с отцом Амвросием. Узнал, что он являлся настоятелем и духовником Свято-Введенского женского монастыря. Созвонился с батюшкой, напросился на встречу. Помню, что как раз у православных был Великий пост. Беседа с архимандритом доставила мне большое удовольствие. О некоторых вещах, рассказанных батюшкой, я ранее не имел представления. Затем я решился задать вопрос относительно ученого Альберта Вейника. И неожиданно услышал от него следующее: «Да он сейчас у нас в монастыре гостит. Уже несколько дней живет, посещает службы, много молится. А в оставшееся время читает лекции в школах, институтах, храмах Иваново. Кстати, завтра он выступает с лекцией в местном медицинском институте. Оставайтесь еще на сутки у нас, побывайте на лекции, очень советую».

Я не верю в случайность, считаю, что все в жизни происходит по воле Божией. И только этим могу объяснить такое удивительное совпадение: я – в Иваново, и там же оказался мой ученый-кумир Вейник. Для меня это оказалось чудом.

Андрей Петрович произнес последние слова восторженно, пытался даже прожестиковать их рукой. Но, видимо, был настолько слаб, что рука лишь приподнялась над одеялом и тут же упала вниз. Далее Андрей Петрович уже заговорил спокойно.

– Я побывал на лекции Альберта Вейника. Что интересно, за несколько лет до этого он принял крещение в Православной церкви с именем Виктор. Лекция была мною записана на

диктофон, а затем расшифрована. Я даю тебе расшифровку этой записи, из нее ты узнаешь подробно об открытиях Вейника. Мне уже не придется глубже заняться изучением его восхитительных идей. Да я и тем счастлив, что узнал о существовании этого человека. Думаю, что тебе очень даже необходимо познакомиться с жизнью выдающегося, но не принятого ортодоксальной наукой ученого. Возьми, Леня, вон ту красную папочку, что лежит на полке за стеклом. Ты найдешь там и вырезки из газеты «Не может быть», и запись услышанной мною лекции. Кроме тебя, это никому не нужно. Буду рад, если ты найдешь мой совет полезным.

И еще вот что хочу тебе сказать, касаясь Вейника. Однажды, несколько лет спустя после прослушивания его лекции, я позвонил отцу Амвросию – поздравил его с праздником Рождества Христова. А потом спросил, приезжал ли ученый в последнее время в Иваново. В ответ услышал: «А разве вы не знаете, что Виктор Иозефович трагически погиб? И случилось это 24 ноября 1996 года в День его ангела – святого мученика Виктора, когда ученый спешил в храм к ранней литургии в Минске. Для меня такое совпадение – загадка. Почему Господь Бог решил взять его душу именно в День ангела? Может быть, ты, Леня, поразмышляешь над этим фактом?»

В тот же день, вернувшись домой, я решил прочитать запись лекции Вейника в Ивановском медицинском институте. Фигура ученого меня заинтересовала. Да и все, что советовал мой старший друг, было исполнено большого смысла. Вот что сказал Альберт Вейник присутствующим на лекции.

– Приветствую вас, уважаемые коллеги. Сегодня перед вами я раскрою главный мой секрет, четко ставящий на подобающее место религию и науку. Суть этого секрета сводится к тому, что в основе моей Общей теории лежит детище Святого Писания, плоть от плоти, кровь от крови его...

Все началось с величайшего открытия современности, которое случайно (впрочем, ничего случайного не бывает!) попало мне в руки (оно сотворено Иваном Паниным) – и страшно испугало как сторонников, так и противников Библии. Вероятно, именно поэтому ни те, ни другие не говорят о нем во всеуслышание: первые еще не могут до конца осмыслить эпохальной важности и значимости сделанного открытия, а вторые, наоборот, слишком хорошо все поняли, но кровно заинтересованы в его замалчивании. Дело в том, что Иван Панин строго математически доказал (я подчеркиваю – строго математически!), что исходные библейские тексты продиктованы Господом, «вложены» в мозг писавшим их людям, включая каждое слово, каждую букву... Поскольку Бог абсолютно истинен, а нарисованная Им картина мироздания абсолютно достоверна, Библию вполне возможно использовать для воссоздания объективной физической картины мира, если обратиться к ее естественно-научным текстам. Для этого тексты требуется подвергнуть соответствующему декодированию, расшифровке. Моя Общая теория природы – это и есть результат такой расшифровки.

В самой Библии факт участия Творца подчеркивается более двухсот с половиной раз, примером могут служить слова: «Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления и праведности». Надо сказать, что открытые Паниным числовые закономерности не встречаются больше ни в каких других человеческих текстах, включая неканонические писания и апокрифы. Таким беспредельно простым и бесконечно сложно осуществимым способом Господь защитил Свое Писание от всяких ошибок, изменений, вставок и купюр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.